

Ван Дачжуан гулко колотил по стенке колокола и кричал во весь голос:

— Глава секты! Не дайте этим четверым сбежать! Они ранили Сяньцзюня! Убейте их!

Цинъян-чжэньжэнь уже увидел Юй Чанцина, стоящего с мечом поперёк у входа в пещеру, в белых, залитых кровью одеждах. Его глаза мгновенно налились кровью, и сквозь стиснутые зубы он прорычал:

— Мерзавцы! Как вы посмели?!

Трое, бросив раненого товарища, развернулись и рванули назад, но Цинъян-чжэньжэнь, у которого от ярости готовы были разорваться сердце и лёгкие, разумеется, не позволил бы им скрыться. Его длинный меч яростно рассек воздух, и ослепительный клинок света озарил уже сгущающиеся сумерки.

Это был удар, исполненный гнева. Хотя трое объединили усилия, чтобы отразить его, их всё равно отбросило далеко назад. Прижав раненые груди, они попытались использовать этот толчок, чтобы бежать, но неожиданно сзади и сбоку вновь раздался два протяжных клика — один грубый, другой чистый и звонкий. Цинъян-чжэньжэнь, вложив силу в голос, сотрясающий кроны деревьев, скомандовал:

— Клинки вперёд!

Едва прозвучали его слова, как вспыхнувшая пламенем полоса мечевой ци напрочь отрезала троим путь к отступлению. Они снова попытались совместно противостоять ей, но их отбросило, словно мячи; каждый из них выплюнул полный рот крови.

Затем их достигла другая, подобная осенней воде, энергия меча. Трое не успели увернуться, и один из глав сект, вытолкнутый вперёд двумя сообщниками, получил удар, распоровший ему грудь. Это прибыла старейшина Гужун.

Это зрелище было куда кровавее, чем при Юй Чанцине. Ведь у того ледяной духовный корень, и тогда человек мгновенно превратился в ледяную статую, без разбрызгивания фонтанов крови, даже не успев крикнуть. Сейчас глава секты с громким воплем рухнул на землю, кровь хлынула у него из груди. Он ещё какое-то время не умирал, лишь его крики постепенно становились всё тише.

Двое оставшихся, ещё стоявших на ногах, были окружены главой секты Гуйюань и двумя старейшинами, вставшими в боевом порядке. Они уже побледнели до предела, а под завывания товарища, корчившегося на земле, их ноги и вовсе начали непроизвольно дрожать.

Последний оставшийся глава секты дрожащим голосом произнёс:

— Старшина Хуан, вы нас погубили!

Старшина Хуан не ответил. Он и сам сожалел. Ради одного великого подвига положить жизнь... Но такова доля культиваторов: они рискуют жизнью ради силы. Смелого удача бережёт, робкого голод морит. Выжить — удача, умереть — судьба!

Ван Дачжуан снова закричал:

— Тот подлец стадию Закладывания Основ, что лежит рядом, хочет сбежать! Не дайте ему уйти! Это он донёс!

Тот культиватор в жёлтых одеждах, вернувшийся с подмогой, увидев, что дело плохо, хотел, пользуясь тем, что внимание людей Гуйюаня сосредоточено на главарях, тихо ускользнуть. Но Ван Дачжуан криком выдал его. В панике он решил больше не скрываться и рванул, устремляясь вдаль.

Однако он не сделал и шага, как был отброшен вспышкой меча. Меч держала женщина-культиватор: внешность её была самой обычной, фигура — тонкой, но её выпады были яростны и несли в себе истинное постижение меча. Трудно было представить, что у такой хрупкой девушки может быть столь «буйная» мечная воля. Это была Су Маньтун, которая на Пике Испытания Меча, благодаря тому удару Юй Чанцина, постигла намерение меча и была принята старейшиной Гужун в личные ученицы.

Старейшина Гужун бросила взгляд в ту сторону и больше не вмешивалась. Её ученица хоть и не обладала небесным духовным корнем, но отличалась исключительной проницательностью, твёрдым характером и готовностью терпеть любые лишения. Усердие, с которым она занималась совершенствованием, заставляло и саму старейшину испытывать смущение. Хотя их стадии Основы были одинаковы, тот совершенствующийся в жёлтых одеждах ей и в подмётки не годился.

Су Маньтун была немногословна, но ясно различала долги и обиды. Она постигла намерение меча благодаря старейшине Ханьяну и всегда хранила к нему глубокую благодарность. Каждый раз, встречая старейшину Ханьяна, независимо от обстоятельств, она совершала полный церемониальный поклон. Старейшина Гужун понимала: в глазах этой ученицы старейшина Ханьян тоже был наставником, и его статус, пожалуй, не уступал её собственному.

Хотя расстояние было приличное, слух и зрение культиваторов остры. Старейшина Гужун видела, что лоб её ученицы покрыт каплями пота. Видимо, заметив сигнал, та сразу изо всех сил помчалась сюда. Её уровень совершенствования был ещё невысок, сердце же переполнено тревогой, вот и вспотела так сильно.

Тем временем двое учеников уже вступили в бой. Циньян-чжэньжэнь, спеша осмотреть раны младшего брата, тоже не стал тратить слов. Он поднял меч и безо всяких изысков обрушил простой, прямой удар на того самого старейшину Хуана. В тот же миг старейшины Чиюнь и Гужун тоже вступили в схватку.

Три мечника, даже подавив культивацию до одного уровня с противником, без труда расправлялись с равными себе. Всего за несколько мгновений двое оставшихся были сражены острыми клинками, их изначальные души были рассеяны. Тяжело раненый Юй Чанцином старейшина в жёлтых одеждах, естественно, тоже не был забыт — Цинъян-чжэньжэнь одним ударом положил конец его жизни.

Когда здесь бой завершился, Су Маньтун как раз успела отсечь голову тому культиватору в жёлтых одеждах. На её лбу ещё блестела лёгкая испарина, дыхание было немного учащённым. Она стряхнула кровь с острия меча и вместе со своей наставницей и главой секты поспешила ко входу в пещеру.

Юй Чанцин всё это время стоял неподвижно. Лишь когда он собственными глазами увидел, что все нападавшие погибли, он внезапно рухнул на землю. Фэйшуан в его руке мгновенно исчез, а из плотно сжатых губ снова выступила кровь.

Ван Дачжуан всё это время смотрел ему в спину. Увидев, как тот осел, он почувствовал, будто его сердце рвёт на части. Он с силой бил в колокол, срывая голос и почти плача, кричал:

— Юй Чанцин! Юй Нинъюй! Убери этот панцирь немедленно!!

Юй Чанцин тяжело несколько раз вдохнул, поднял руку и убрал Колокол Чёрной Черепахи.

Ван Дачжуан до этого буквально висел на стенке колокола. Когда тот исчез, он лишился опоры и грохнулся на землю. Мгновенно вскочив на четвереньки и, совершенно не заботясь о виде, он бросился вперёд, но остановился, не смея прикоснуться к Юй Чанцину, с головы до ног залитому кровью, боясь задеть раны. Он лишь беспомощно протянул руки и дрожащим голосом прошептал:

— Сяньцзюнь...

Подбежавший Цинъян-чжэньжэнь тоже испугался. Не обращая больше ни на что внимания, он схватил запястье своего младшего брата и ввёл в него духовную силу. Проверив, он буквально остолбенел от ужаса, вытаращил глаза и проговорил:

— Младший брат, у тебя... ты...

В этот момент у Юй Чанцина иссякла последняя опора сил, он уже не мог даже сидеть, и тело его безвольно завалилось в сторону. Ван Дачжуан поспешно раскрыл объятия, чтобы поддержать его, и дрожащим голосом спросил:

— Сяньцзюнь, где у тебя болит?

Старейшины Чиюнь и Гужун тоже подошли ближе и наперебой тревожно заговорили:

— Глава секты, каковы раны старейшины Ханьяна?

— Глава секты, что с ним?

Старейшина Чиюнь был прямолинеен и, не удержавшись, с недоумением сказал:

— Эти ублюдки... даже если их уровень был подавлен, впятером они никак не могли быть соперником нашему старейшине Ханьяну. Как они вообще смогли его ранить?

Ван Дачжуан, прижимая к себе тело Юй Чанцина, глухо проговорил:

— Сяньцзюнь был отравлен... А эти люди подняли тревогу как раз тогда, когда он всеми силами подавлял яд...

Лица старейшин помрачнели, в их взглядах вспыхнула ярость.

Су Маньтун тихо проговорила:

— Слишком быстро их убили. Надо было ещё несколько ударов добавить.

Старейшина Чиюнь с тревогой спросил:

— Глава секты, что же теперь делать? Старейшина Ханьян — обладатель духовного тела холодного костного мозга, яд, способный подействовать на него, явно не из обычных. Наши противоядия вообще могут помочь?

Цинъян-чжэньжэнь уже дал Юй Чанцину пилюлю высшего качества для лечения ран, но противоядие не доставал. Он поднял руку и с силой прижал ладонь ко лбу — было видно, что у него разламывается голова от мучительных мыслей.

<http://bllate.org/book/12569/1117994>